

Крымское отделение Института Востоковедения
Национальной Академии Наук Украины (г. Симферополь)

Центр археологических исследований
БФ «Деметра» (г. Керчь)

Керченский историко-культурный заповедник (г. Керчь)

V

Боспорские чтения

**БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ
и варварский мир в период
античности и средневековья.
Этнические процессы**

Керчь - 2004

Боспор Киммерийский
и варварский мир в период
античности и средневековья.
Этнические процессы
Керчь, 2004 г.

Сборник научных материалов V Боспорских чтений
Керчь, 20-24 мая 2004 г.

Редактор-составитель В.Н. Зинько

Е.А. САВОСТИНА (Москва)

КУЛЬТУРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: ЭТНОС И GENOS В ИЗОБРАЖЕНИЯХ ПРАВИТЕЛЯ БОСПОРА

Начиная с эпохи классики, греки нередко рассматривали себя не только как этнос, но как некое культурное явление (Исократ, Панегирик, 50), где «все эллины перемешались, и варвары с эллинами, и эллины с варварами» (Платон, Законы, III, 692d-693a). Это мнение, конечно, не было единственным и изменялось в зависимости от обстоятельств (Исократ, Панег., ср.: 50 и 81). В известных ситуациях если не этнос, то *genos* играл решающую роль (Walbank 1951) и использовался в политических целях, в том числе в качестве аргумента (речь Эсхина против Демосфена: О венке, 171-172). Данное положение может быть поддержано и примерами из боспорской культуры, которые предлагаются здесь к рассмотрению.

Мраморный бюст молодого безбородого мужчины в диадеме, с «локонами», спускающимися по обеим сторонам лица (ГЭ, Инв. П. 1860. 20), воспроизведенный во многих изданиях и на обложке учебника по археологии Северного Причерноморья, стал своеобразным символом, «лицом» неклассического искусства греков на периферии античного мира (Ростовцев 1913; Блаватский 1967). До сих пор памятник датировался I-II вв. н.э. и идентифицировался с портретом одного из боспорских царей раннеримской эпохи (Котис, Савромат). Но построение головы, характер черт лица и особенно обработка затылочной части изваяния позволяют пересмотреть устоявшиеся положения. Две противоречивые тенденции: плоскостная стилизация изображения, разработанного в крупных и уплощенных формах, и его восходящая к эллинистическим портретам композиция – связывают изваяние с эстетикой «позднеэллинистического классицизма» Пергама и свидетельствуют, что боспорский бюст мог быть изготовлен на рубеже II-I вв. до н. э.

Оборотная часть головы статуи не предназначалась для обозрения и, скорее всего, была подготовлена для крепления головного убора. Выполненный из металла, он был надвинут на затылок и имел три клапана, спускающиеся до плеч сзади и по бокам – по типу персидской шапки, *kyrbasia*. Струящиеся по обеим сторонам лица локоны показывались на фоне боковых «ушей» этого убора. Голова перевязывалась лентой-диадемой с украшением в центре.

Известный на боспорских монетах персонаж в подобной шапке, повязанной диадемой с центральной звездой и полумесяцем, традиционно отождествляется с Меном (*Зограф 1951; Анохин 1986; Фролова 1999*). Но месяц обычно изображался за головой этого бога, что мы и видим на монетах Понта, Антиохии и Фригии (*LIMC VI, № 11, 13*). Сочетание же звезды с полумесяцем соответствует древней эмблеме иранского царского рода, основанной на митраистической атрибутике (*Cumont 1903*). Это может стать обоснованием трактовки персонажа на монетах Боспора как Митридата Евпатора в диадеме и с эмблемой Ахеменидов. Датировка монет сближает их со временем нашей скульптуры, совпадая также с появлением на Боспоре и самого легендарного понтийского царя Митридата Евпатора.

Происходивший из династии персидских сатрапов, Митридат, завоеватель Азии и враг Рима, выступая за объединение восточно-греческих земель, завоеванных Александром, сопоставлял себя с ним на этом поприще как «Новый Александр». Греки и сами видели в нем лидера в борьбе за независимость с Римом, такого же, каким был Александр в борьбе с персами. Далекая северная страна на окраине греческого мира впервые привлекла внимание Митридата на пути воплощения дедовской идеи всепонтийского единства (*Шелов 1986*). Затем ему была передана власть над ней – так в 106 г. до н.э. Боспор вошел в «универсальную, персидского типа монархию на эллинской базе» (*Ростовцев 1913*), и царствование Митридата стало последним независимым боспорским царствованием перед протекторатом Рима.

Митридат чеканил монеты с различной символикой. Наиболее известны серии «эллинского типа» – с изображением его непокрытой пышноволосой головы, традиционно следующей портретам Александра (*Richter 1984; Pollitt 1987*). Однако изображения Митридата в кирбасии также распространены: в «восточной» ипостаси понтийского владыки и как Персей (*Kleiner 1955*) он представлен на монетах Синопы и Амиса конца II в. до н.э.

(*Imhoof-Blumer 1913; Pfeier 1968*). Здесь (и, надеемся, на Боспоре) Митридат следовал традиционным типам монет персидских сатрапов, подчеркивая свою принадлежность к древнему роду царей.

Если отождествление с Митридатом изображения головы в кирбасии на боспорских монетах будет принято, невозможно не идентифицировать с тем же персонажем и скульптурный портрет из Пантикапея. Помимо кирбасии, повязанной диадемой, связь мраморного изваяния и изображения на монете определена характерным профилем, пропорциями лица и формой головы отображаемого персонажа. Пластический образ индивидуален и схож с Митридатом «эллинского типа», что демонстрирует его соотнесенность с реальным историческим лицом.

В распространенном после Александра культе правителя прослеживается сложная и в известном смысле циклическая контаминация связей, характерная для эллинистической эпохи в целом, но особенно ощутимая в параллели Александр – Митридат, представителей природного «эллинизма» и наследственного «иранства», пользуясь определением М.И. Ростовцева (*Ростовцев 1918*). Греки, бывшие непримиримыми врагами персов, воспринимают восточные формы культа и их «завоеванных» богов. Победенные персы отстаивают свои «панэллинские принципы» перед лицом Рима, учитывая греческие инновации в большей степени, чем оригинальные основы своих традиций. Поэтому трудно судить о том, в каком именно идеологическом плане выстраивался культ правителя-понтийца на эллинистическом Боспоре. Но учитывая происхождение царя и его титулатуру в боспорских надписях, можно думать, что это был Митридат Евпатор Дионис с чертами Митры-Мена. Очевидно, что в «восточной» ипостаси, как Митра, несущий мир и порядок, Митридат мог почитаться на Боспоре только в первый из двух этапов своего правления, между 109-106 и 80-ми годами, что не противоречит и стилю рассматриваемого памятника.

Пантикапейский бюст - не единственное изваяние, найденное на Боспоре, которое связывают с изображением знаменитого понтийского царя. В собрании Эрмитажа имеется еще один скульптурный портрет из Пантикапея (ГЭ, Инв. П. 1909. 144), эллинского типа - так называемый «пергамский» Митридат (*Максимова, Наливкина 1955; Соколов 1973; Неверов 1971*). В изображении этого Митридата прослеживается определенное стилистическое сходство с «восточным», выражающееся в трактовке

лица ровными плоскостями, не расчлененными на планы. Но более всего Митридат «пергамский» близок известному портрету Селевка Никатора из Искендерума (*Smith 1995*, около 100 г. до н.э.). Сходна и конструкция указанных изваяний: их затылки срезаны, оставлена лишь узкая полоса волос, обрамляющих лицо, задняя часть голов подготовлена для соединения с другой каменной деталью. Как и изображение Восточного Митридата, эти портреты относились к статуям-акролитам, но их венчал не бронзовый головной убор. На изваянии Селевка сохранились воловьих рога, с ними некогда связывалось изображение воловьей шкуры, наброшенной сзади на голову царя таким же образом, как шкура льва на Геракла.

На портрете «пергамского» Митридата не осталось примет, по которым можно было бы восстановить его тыльную часть. Судя по характеру обработки задней стороны шеи и неразборчиво трактованным волосам, какая-то шкура могла быть и здесь. В этой статуе правитель Боспора был представлен уже как эллин, возможно, в некоем аллегорическом образе (Герakла?), чем объясняется характерная драматичность образа, отмеченная всеми исследователями.

В связи с нашей темой заслуживает внимания то обстоятельство, что и царица Динамия, внучка Евпатора (*Ростовцев 1914*), представлена во фригийской шапке, украшенной такими же звездами, как и шапка на монетах Митридата. Его боспорские потомки, гордящиеся происхождением от великой династии и знаменитого предка, «царя царей», стремятся воспроизвести месяц и звезду в сериях своих монет (*Голубцова 1951*). Преемственность иконографических черт в изображениях потомков понтийского царя, пока, к сожалению, известна эпизодически.

Но независимо от того, имела ли указанная иконографическая традиция прямое продолжение в искусстве Боспора, несомненно, что портрет, с которого начат обзор пластических изображений, воспроизведен на обложке учебника и в изданиях по искусству Северного Причерноморья совершенно заслуженно. Именно персонаж этого изваяния, уже в композиционном отношении демонстрирующий соединение европейского замысла и азиатской стилистики, сыграл особую роль в истории Северного Причерноморья на ее переломе. Став действительно символом уходящего времени, он определил лицо и грядущей эпохи, связав единым узлом «эллинство» и «иранство» не только в своей, но и в боспорской судьбе.

Рис. 1. Портрет боспорского царя: Митридат «Восточный»
 А. Мраморный бюст царя Боспора (ГЭ. П. 1860.20). Б. Монета «европейского чекана Митридата (по: Politt) В. Мраморный бюст царя. Вид в профиль. Г. Персонаж в кирбасии с диадемой и эмблемой Археанактидов на боспорском оболе (по Фроловой). Д. Изображение Мена на монете Фригии - Филомелий, после 133 г. до н.э. (по: Head). Е. Опыт реконструкции головного убора статуи Митридата.

Рис. 2. Портрет боспорского царя: Митридат «Пергамский»
 А. Мраморный бюст Митридата «Пергамского» (ГЭ. П. 1909.144).
 Б. Мраморный бюст Митридата. Вид в профиль. В. Мраморный
 бюст Селевка Никатора. Около 100 г. до н.э. (по: Smith). Г. Геракл
 из скульптурной группы Освобождения Прометея. II-I вв. до н.э.
 (по: Stewart).